

А. А. Матюнова (Минск)

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА ДЕЕПРИЧАСТИЙ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Говоря об основных направлениях исследования в области исторической морфологии русского языка, В. В. Виноградов отмечал, что «история деепричастий, способов их образования и синтаксического

употребления... нам вовсе не известны» [2, с. 171]. Л. Р. Абдулхакова приводит различные точки зрения на время оформления деепричастия как части речи, пишет о приметах, свидетельствующих об изменениях в кругу причастных форм. Важными факторами, по мнению исследователя, становятся 1) утрата согласования с именем существительным в именительном падеже, «хотя на более раннем этапе развития языка даже наличие согласования могло быть «кажущимся», поскольку в качестве субъекта действия почти всегда выступали имена существительные м. р. ед. ч.» [1, с. 7]; 2) изменение синтаксических функций именного действия причастий. Относительно последнего тезиса возникает вопрос: какую роль в становлении деепричастия сыграли предикативная функция и собственно обстоятельственные значения? А. А. Шахматов считал, что переход причастия в деепричастие «возник на почве усиления предикативности причастия насчет его атрибутивности, он и повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое» [6, с. 45]. Б. В. Кунавин оспаривает эту точку зрения: «краткие действительные причастия ... на пути своего перехода в деепричастия ослабляли свои предикативные свойства» [3, с. 24]. На наш взгляд, разрешение этой проблемы находится в плоскости определения статуса предикативности. Одни ученые рассматривают предикативность как содержательную характеристику, как семантику, другие – как функцию глагольной лексемы. На наш взгляд, предикативность есть функциональный признак, существующий на уровне текста.

По мнению А. Г. Руднева, нельзя утверждать, что одна и та же форма всегда включает в себе одно и то же содержание [5, с. 107]. Он считает, что для древнерусского периода представляется возможным говорить о разграничении двух разных грамматических категорий – причастия и деепричастия, иногда представленных омонимичными формами. В этом случае речь идет, прежде всего, об именных (кратких, нечленных) формах древнего причастия. Одинаковые по оформлению образования в зависимости от контекстуальных условий и синтаксических особенностей употребления могут быть либо причастием, либо деепричастием.

В данной статье нас будут интересовать функционально-семантические изменения в кругу действительных причастий древнерусского литературного языка, обусловившие оформление причастий в лексико-грамматический класс слов и, как следствие, выделение деепричастий как отдельного класса лексем, появившегося на основе форм именительного падежа единственного числа мужского и среднего ро-

дов действительных причастий настоящего времени. На то, что именно функция является катализатором семантических преобразований в кругу причастий, указывал А. А. Потебня. Нами проанализированы действительные причастия в Повести временных лет и проповедях К. Туровского. Чтобы выявить закономерности семантических и функциональных изменений в кругу действительных причастий настоящего времени, приведших к становлению современной системы причастий и деепричастий, мы проанализировали: 1) способы образования кратких и полных форм действительных причастий настоящего времени; 2) случаи несогласованного употребления действительных причастий настоящего времени (если такие имелись); 3) семантические особенности действительных причастий настоящего времени, обусловившие их лексико-грамматические изменения.

Действительные причастия настоящего времени образовывались от основы глаголов настоящего времени при помощи старославянских суффиксов *-ущ/-ющ-*, *-ащ/-ящ-* или древнерусских суффиксов *-уч/-юч-*, *-ач/-яч-*. Непосредственно к глагольной основе окончание добавлялось только в кратких формах им. пад. ед. ч. мужского и среднего родов, а также в им. пад. ед. ч. полных форм причастий мужского рода. В тексте ПВЛ нами отмечены причастия как со старославянскими, так и с древнерусскими суффиксами, что подтверждает гибридный характер произведения. В проповедях К. Туровского действительные причастия настоящего времени с древнерусскими суффиксами не встречаются: в структуре всех анализируемых лексем присутствуют только старославянские суффиксы, что обусловлено церковно-книжной стилистикой данных текстов. Авторы всех анализируемых произведений используют как краткие, так и полные формы действительных причастий настоящего времени, которые регулярно образовывались от основы настоящего времени глаголов несовершенного вида. Мы обнаружили только одно полное действительное причастие настоящего времени, образованное от основы глагола совершенного вида: *презряи* от *презрети*.

В произведениях К. Туровского не отмечены случаи несогласованного употребления причастий. Однако двойственная интерпретация некоторых контекстов возможна. Например, в контексте «*К вам яко заступникомъ и хранителемъ живота нашего, аз окаянный и многогрешный припадаяи молюся, просяи вашея милости ...*» [4, с. 259] четко прослеживается одновременность действий, названных причастиями *припадаяи* и *просяи*, с главным действием, названным глаго-

лом *молюся*. В то время как в контексте «*И того ради стену из глубины сердечныя и слезу болезню душевную; судный час помышляя, весь изнемогаю*» [4, с. 255] причастие *помышляя* может называть действие, свершившееся ранее главного, и действие, совершаемое одновременно с главным. На современный русский язык это может быть передано как ... *о судном дне подумав, весь изнемогаю...* или как: ... *о судном дне подумывая, весь изнемогаю*. Объяснить это можно тем, что к XII в. понятие о перфектности глагола, то есть о его видовой принадлежности, в древнерусском литературном языке окончательно не оформилась, а вот утрата семантической связи между акциональным адъективным временным признаком предмета, который выражался причастием, и непосредственно этим предметом произошла. С точки зрения семантики признак переставал быть адъективным и временным, сохраняя лишь свою акциональную характеристику, одновременно приобретая в процессе функционирования новый предикативный признак, в который и трансформировалась функция аппозиции. Этот новый предикативный признак сущностно изменял характеристики кратких и полных действительных причастий настоящего времени: активизация семантических свойств предикативности и акциональности привела к формированию в предложении дополнительного предикативного центра, при помощи которого выражалось значение второстепенного, дополнительного действия, осложненного адвербиальным признаком. Впоследствии эти слова выделились в отдельный функционально-семантический класс деепричастий. При помощи деепричастия могло называться дополнительное действие, предшествовавшее главному, и дополнительное действие, следующее за главным. Временная последовательность действий, названных глаголами и причастиями, зависела от семантических особенностей глагольных основ, от которых образовывались причастия мужского и среднего родов им. пад. ед. ч. Если это был приставочный глагол с семантическим оттенком перфектности, то речь шла о законченном в прошлом действии, т. е. о действии, предшествующем главному. Если это был бесприставочный глагол со значением действия постоянного, повторяющегося, то речь шла о действии, происходящем одновременно с главным. Однако, как показывает приведенный выше пример, различия сохранялись.

В семантическом отношении образование действительных причастий от глаголов несовершенного вида указывает на то, что действительные причастия настоящего времени называют временный признак

по действию, актуальному в момент речи. Это был временный адъективный акциональный признак с неярко выраженной предикативностью и процессуальностью. Специфичность видо-временной системы древнерусского глагола, развитие на фоне этого у некоторых причастных форм адвербиального признака и усиление предикативного признака наряду с ослабеванием адъективности способствовало акцентуации внимания не на характере самого признака, выражаемого причастием, а на специфике действия (процессуально-акционально-адвербиального), называемого действительным причастием. Катализатором всех этих глубинных семантических процессов выступал авторский текст, в котором нужно было расположить все эти акционально-процессуальные признаки в правильной временной последовательности. Развитие значения второстепенного действия способствовало появлению у форм мужского и среднего родов им. пад. ед. ч. действительных причастий настоящего времени дополнительного адвербиального признака, утрате адъективного признака и, как следствие, – усилению его аппозитивной функции, что привело в итоге к доминированию вторичной акционально-адвербиальной и предикативной функций у кратких форм действительных причастий настоящего времени и появлению деепричастий. Такие семантические изменения становятся возможными в кругу причастий мужского и среднего родов им. пад. ед. ч. в силу особенностей их формообразования.

Анализ глубинных семантических отношений, существовавших в семантике древнерусских действительных причастий настоящего времени, позволил выявить следующий состав их функционально-семантических признаков: временность, адъективность, процессуальность, акциональность, адвербиальность, вторичная предикативность. В зависимости от условий функционирования у каждого конкретного слова формировался свой набор функционально-семантических признаков, который обусловил изменения в кругу древнерусских причастных форм и формирование лексико-грамматических групп причастий и деепричастий в современном русском языке. У собственно причастных форм набор функционально-семантических признаков состоял из временности, адъективности, процессуальности, акциональности. Признак временности реализовывался на уровне текста, остальные признаки существовали на уровне глубинной семантической системы. У новых неизменяемых форм были следующие функционально-семантические признаки: адвербиальность, акциональ-

ность, процессуальность, вторичная предикативность, временной порядок. Адвербиальность, акциональность, процессуальность проявлялись на уровне глубинной семантической системы, вторичная предикативность и временной порядок – на уровне текста.

1. Абдулхакова, Л. Р. Из истории русского деепричастия: учеб. пособ. для студ. филол. фак. / Л. Р. Абдулхакова. – Казань, 2007.

2. Виноградов, В. В. О задачах истории русского литературного языка // История русского литературного языка: избр. тр. / В. В. Виноградов. – М., 1978. – С. 152–177.

3. Кунавин, Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: дис. ... докт. филол. н. / Б. В. Кунавин. – Спб., 1993.

4. Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі. Жыцце, спадчына, светапогляд / А. А. Мельнікаў. – Мінск, 1997.

5. Руднев, А. Г. О происхождении деепричастия (по памятникам старославянского и древнерусского языков) / А. Г. Руднев // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1955. – Т. III. – С. 107–109.

6. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – 4 изд-е. – М., 1941.